

Говард Филлипс Лавкрафт

Притаившийся ужас

(The Lurking Fear)

1

Тень на очаге

В ночном воздухе погромыхивало, когда я отправился в заброшенный дом на Вершине Бурь, чтобы разыскать притаившийся там ужас. Отправился не в одиночестве, ибо любовь к риску тогда еще не сопутствовала моей любви к пугающему и ужасному, благодаря которой я на протяжении своей карьеры сумел разобраться в нескольких странных и жутких делах — как по описаниям в прессе, так и на месте событий. Со мною были два верных и крепких помощника, которых я призвал, когда настало время действовать. Мы давно сотрудничали в опаснейших расследованиях, для которых они были словно созданы.

Из деревни мы выехали тайком, избегая газетчиков, которые все еще сновали в округе со времени невообразимой паники, случившейся здесь месяц назад, после явления крадущейся кошмарной смерти. Позже, думал я, они могут пригодиться, но не теперь. Если бы Господь тогда надоумил меня взять репортеров с собой, не пришлось бы так долго хранить секрет из страха, что люди посчитают меня безумцем или сами сойдут с ума, вовлекшись в это дьявольское дело. Сейчас я рассказываю об этом, дабы под тяжестью знания не сойти с ума, и жалею, что прежде был так скрытен. Ибо только я один на свете знаю природу ужаса, притаившегося в этом логове призраков на безлюдной горе.

Наш маленький автомобиль одолел несколько миль первозданных лесов, пока сомкнувшиеся заросли и слишком крутой подъем не сделали дальнейшее продвижение на нем невозможным. В ночном мраке, без множества снующих вокруг людей местность выглядела еще более зловещей, тем более что мы избегали включать ацетиленовые фары, дабы не привлекать к себе внимание. Пейзаж не был приятен и при свете дня; уверен, я смог бы заметить его нездоровый характер, даже не зная заранее о бродящем здесь ужасе. Дикие животные не попадались: они чувствуют, когда смерть подкрадывается близко. Древние деревья со шрамами от ударов молний казались чудовищно большими и искривленными; остальные растения — неестественно раздувшимися и словно воспаленными, а причудливые холмики на изрытой молниями земле напоминали клубки змей или людские черепа, разросшиеся до гигантских размеров.

Ужас таился на Вершине Бурь более столетия. О нем я узнал из газетных сообщений о катастрофе, привлекавшей к этой местности внимание всего мира. Это было изолированное плато в той части гор Катскилл, где некогда прозябала недолговечная голландская колония, оставившая по себе лишь развалины зданий да выродившихся скваттеров, живущих в жалких деревушках на склонах гор. Посланцы большого мира

редко навещали эти места, пока не была сформирована полиция штата, но и потом патрульные заглядывали сюда нечасто. Как бы то ни было, страх вошел в традицию этих деревушек; он был главной темой разговоров у нищих полукровок, когда они приезжали из своих долин и торговали корзинами ручной работы — чтобы на вырученные деньги приобрести те немногие предметы первой необходимости, которые не могли сами добыть охотой, или вырастить, или смастерить.

Ужас притаился в брошенном, всеми избегаемом особняке Мартенсов, что венчал высокую, но не особо крутую гору, названную Вершиной Бурь из-за особо частых гроз, которые она как будто притягивала. Более сотни лет об этом старинном, окруженном лесом каменном доме ходили дикие, чудовищные и отвратительные истории, повествовавшие о молчаливой гигантской крадущейся смерти, которая бродит окрест в летнее время. Скваттеры передавали из уст в уста пугающие рассказы о демоне, который в темноте хватает одиноких путников и либо уносит их, либо бросает в чудовищно изуродованном виде, растерзанными на куски. Иногда шепотом рассказывали о кровавых дорожках, издалека тянущихся к дому. Некоторые говорили, что громовые раскаты вызывают притаившийся ужас из его обиталища; другие утверждали, что гром — это его голос.

За пределами окрестных лесов никто не верил многочисленным противоречивым историям, невнятным и преувеличенным описаниям призрачных демонов; однако ни один фермер, ни один деревенский житель не сомневался в том, что особняк Мартенсов населен какой-то нечистью, хотя расследования, проводившиеся после появления особо жутких сообщений, не обнаруживали в доме никаких признаков потусторонней силы. Старухи рассказывали странные мифы о призраке Яна Мартенса, мифы о самом семействе Мартенсов, об их удивительной наследственной разноглазости, о долгой и странной истории их рода и об убийстве, навлекшем на них проклятие.

Приведший меня сюда ужасный случай внезапно подтвердил самым прискорбным образом дикие легенды горных жителей. Летней ночью, после грозы неслыханной ярости, всю округу подняло на ноги паническое бегство горцев, каковое не могло быть следствием одних лишь страшных слухов. Несчастные люди сбились в толпы, рыдали и стонали, словно пораженные необъяснимым ужасом, так что было трудно усомниться в их искренности. Они ничего не видели, но слышали такие душераздирающие вопли в одной из окрестных деревушек, что поняли: туда крадучись явилась смерть.

Поутру горожане и патрульные пошли за дрожащими от страха горцами на то место, куда, как они утверждали, приходила смерть. И смерть действительно побывала там. Земля под деревушкой просела от удара молнии, уничтожив несколько жалких затхлых лачуг, однако гибель имущества бледнела рядом с уничтожением живых существ. Из семидесяти пяти человек, населявших это место, там не обнаружилось ни одного живого. Изрытая земля была залита кровью и усеяна человеческими останками с явственными метками дьявольских зубов и когтей, однако не удалось проследить никаких следов, ведущих от этой бойни. Все быстро сошлись на том, что побоище мог устроить какой-то огромный зверь, и ни у кого язык не повернулся сказать, что таинственная гибель людей могла быть результатом взаимной резни, характерной для подобных нравственно разложившихся общин. Делу дали ход лишь тогда, когда нашлись примерно двадцать

пять жителей деревни, избежавших гибели, но даже после этого трудно было поверить, что уцелевшие перебили вдвое больше народу. Достоверно было известно лишь одно: летней ночью с небес ударила молния, после чего в этом месте нашли мертвую деревню и ужасающе изувеченные, изодранные когтями и зубами трупы.

Округа была взволнована, люди немедленно связали происшедшее с проклятым домом Мартенсов, хотя он и отстоял от деревушки на три мили. Патрульные отнеслись к этому скептически; они среди прочего обследовали и особняк, нашли его совершенно заброшенным и оставили это дело. Деревенские же и хуторские жители, в свою очередь, обыскали его тщательнейшим образом, перевернули вверх дном все в доме, обшарили прудики и ручьи, порубили кустарник и прочесали ближние леса. Все было понапрасну: погибель, явившаяся неизвестно откуда, не оставила никаких следов, кроме множества трупов.

Ко второму дню розысков все дело подробнейшим образом было описано в газетах — репортеры заполнили окрестности Вершины Бурь. Газетчики взяли множество интервью у местных старух, дабы прояснить подробности страшного события. Я, будучи знатоком всяческих ужасов, поначалу следил за этим с ленцой, однако через неделю некая смутная тревога подвигла меня отправиться в те края. Так что пятого августа 1921 года я уже был среди репортеров, толпившихся в гостинице Леффертс-Корнерс — ближайшей к Вершине Бурь деревни, где расположилась штаб-квартира следствия. Еще три недели спустя репортеры рассеялись, развязав мне руки для опаснейшего предприятия, основанного на тщательном изучении обстоятельств дела и исследовании местности, которые я к тому времени провел.

Итак, летней ночью, под отдаленные раскаты грома, я оставил автомобиль и двинулся со своими вооруженными помощниками вверх по склону холма, к дому на Вершине Бурь. Лучи электрических фонарей прыгали по призрачно-серым стенам, маячившим впереди, за гигантскими дубами. В эту скверную ночь, при столь слабом освещении массивное строение, казалось, таило угрозу, невидимую при свете дня. Однако же я не колебался, полный решимости проверить свою идею, согласно которой гром вызывал демона смерти из некоего убежища, и, будь этот демон существом во плоти или бестелесным призраком, я намеревался увидеть его собственными глазами.

Развалины уже были внимательнейшим образом обследованы и план подготовлен: местом моего ночного бдения станет комната Яна Мартенса, убийство которого было средоточием местных легенд. Я предчувствовал, что жилище этой давней жертвы насилия подойдет мне лучше всего. Комната была примерно в двадцать квадратных ярдов; там, как и в других помещениях, валялись обломки мебели и прочий мусор. Спальня располагалась на втором этаже, в юго-восточном углу здания; широкое окно выходило на восток, узкое — на юг; оба были без рам и ставен. Напротив большого окна помещался огромный голландский очаг, на изразцах которого была изображена библейская притча о блудном сыне. Напротив узкого окна в стенной нише стояла широкая кровать.

Поначалу окружающий лес приглушал раскаты далекого грома, но с течением времени он становился все слышнее. Мы занялись детальным исполнением моего плана и прежде всего прикрепили к подоконнику широкого окна три веревочные лестницы —

их мы принесли с собой. Я знал, что они опустились на травяном пятачке, удобном для приземления — это было заранее проверено. Затем мы приволокли из другой комнаты остов широкой кровати с пологом, поставили ее перед окном, устлали еловыми ветвями и легли отдыхать с пистолетами наготове: пока двое спали, третий бодрствовал. Откуда бы ни появился демон, у нас был путь для отступления. Если он появится изнутри дома, уйдем по лестницам; если снаружи — через дверь. Судя по описаниям предыдущего нападения, он не должен был нас особо преследовать.

Я сторожил с полуночи до часу, а затем, несмотря на зловещую обстановку, на незащищенное окно и приближающуюся грозу, почувствовал, что неодолимо засыпаю. Рядом лежали два моих товарища, Джордж Беннет со стороны окна и Уильям Тоби со стороны очага. Беннет спал: его одолела та же необычная сонливость, что и меня, так что пришлось назначить на следующую вахту Тоби, хотя и он клевал носом. Уже засыпая, я с какой-то странной настойчивостью продолжал всматриваться в очаг.

Должно быть, из-за приближающегося грома мой недолгий сон изобиловал апокалиптическими видениями. Один раз я почти проснулся — наверное, потому что Беннет беспокойно задвигался и уронил руку мне на грудь. Я не мог очнуться окончательно и убедиться, что Тоби блюдет свой пост, однако ощущал явственное беспокойство по этому поводу. Никогда прежде присутствие зла не давило на меня так неодолимо. Наверное, затем я опять провалился в сон, поскольку бродил в фантазмагорическом хаосе своих видений, когда ночь взорвалась жуткими воплями — ничего подобного я прежде не слышал и не мог вообразить.

Вопли были исполнены страха и муки — крики души, безнадежно и отчаянно сопротивляющейся черному забвению. Я проснулся, слыша, как крики — это воплощение ужаса — слабели, отдаваясь эхом. В темноте я ощутил, что место справа от меня свободно: Тоби пропал, и лишь Господу известно, где он теперь. Поперек моей груди еще лежала тяжелая рука того, кто спал слева от меня.

Затем последовал сокрушительный удар молнии; она сотрясла всю гору, осветила самые темные тайники дубовой рощи и расколола самое древнее и могучее из окрестных деревьев. В свете чудовищной вспышки огненного шара я увидел, как спящий вскочил, и его черная тень скользнула по изразцам очага, от которого я по-прежнему не мог отвести глаз.

То, что я до сей поры жив и в здравом уме, есть чудо, коего я не могу понять. Не могу понять этого, ибо тень на печной трубе не принадлежала Джорджу Беннету или иному человеческому существу, она была богохульной насмешкой, гнусностью, вышедшей из самых глубин ада, — безымянное и бесформенное уродство, непостижимое уму и не поддающееся описанию. В следующий миг я остался в проклятом доме один, трясаясь и что-то бормоча. Джордж Беннет и Уильям Тоби исчезли, не оставив даже следов борьбы. С тех пор о них не было никаких известий.

2

Сквозь бурю

После столь чудовищного испытания и вызванного им нервного потрясения я

несколько дней не вставал с постели в своем гостиничном номере в Леффертс-Корнерс. Не могу припомнить, как удалось мне добраться до автомобиля, завести мотор и беспрепятственно доехать до деревни. В памяти не сохранилось ничего отчетливого, кроме раскинувших ветви титанов-деревьев, дьявольского бормотания грома и потусторонних теней на низких холмиках, усеявших округу.

Лихорадочно размышляя о природе этой твари, опустошающей сознание, я догадался, что вызвал к жизни один из главнейших земных ужасов — одну из тех безымянных разрушительных сил, дьявольское брожение которых мы иногда чувствуем на самой периферии видимого нам мира, но, к счастью, не можем разглядеть отчетливо благодаря несовершенству человеческого зрения. Тень, мелькнувшую на очаге, я не осмеливался ни определять, ни анализировать. Некое существо лежало между мною и окном в ту ночь, но меня начинало трясти, как только я пытался представить, кто это мог быть. Если бы оно рычало, или выло, или неистово хохотало, тут же обнаружилась бы его демоническая сущность. Но оно молчало. Оно положило тяжелую руку (или иную конечность) мне на грудь... Несомненно, существо это обладало плотью — по крайней мере, в прошлом. Ян Мартенс, комнату которого я занял, похоронен на кладбище рядом с особняком... Я обязан найти Беннета и Тоби, если они еще живы... Почему оно схватило их и оставило меня невредимым? Дремота душила меня, и сны были страшными...

Вскоре я понял, что должен рассказать кому-нибудь эту историю, чтобы избежать умопомешательства. И уже решился не отступать, не оставлять поисков притаившегося ужаса, опрометчиво полагая, что полужнание много хуже, чем полная ясность, какой бы ужасной она ни оказалась. В соответствии с этим я начал продумывать наилучший способ действий, прикидывая, кому можно довериться и как выследить тварь, уничтожившую двух человек, тварь, чья кошмарная тень мелькнула на очаге.

В Леффертс-Корнерс я успел свести знакомство и даже подружиться с несколькими репортерами, которые все еще оставались в деревне, собирая последние сведения о трагедии. Из них я и вознамерился выбрать сотоварища, и чем дольше размышлял, тем более отдавал предпочтение Артуру Манро, темноволосому сухощавому человеку лет тридцати пяти, образование, вкусы, ум и характер которого как будто показывали, что он не из тех, кто слепо цепляется за общепринятые идеи и воззрения.

И вот как-то вечером в первых числах сентября я рассказал Артуру Манро свою историю. Он слушал меня с интересом и сочувствием, а затем высказался о случившемся весьма проникательно и рассудительно. Его советы тоже оказались кстати: он порекомендовал отложить операцию в особняке Мартенсов до тех пор, пока мы не получим более подробных исторических и географических сведений. По его инициативе мы прочесали округу, выискивая все, что могло иметь отношение к семье Яна Мартенса, и обнаружили человека, у которого сохранился дневник его предков, проливающий свет на многое. И мы наконец-то подробно побеседовали с теми из местных горцев, кто еще не сбежал в ужасе и смятении на отдаленные склоны; мы также предварили исполнение решающей акции детальным обследованием мест, которые в легендах поселенцев связывались с различными трагическими событиями.

Результаты этого обследования поначалу были не слишком обнадеживающими, однако когда мы их систематизировали, выявилась многозначительная тенденция:

самые страшные события случались либо поблизости от заброшенного дома, либо в местах, соединенных с ним участками мрачного, нездорово разросшегося леса. Исключения были, это верно, — ведь последнее ужасное дело, привлекшее внимание широкой общественности, случилось на горной пустоши, удаленной и от особняка, и от прилегающего к нему леса.

Что же до природы и облика притаившегося ужаса, то мы ничего не добились от запуганных и недалеких обитателей хижин. В своих путаных рассказах они могли назвать его змеем и великаном, громовым дьяволом и летучей мышью, грифом-стервятником и бродячим деревом. Однако же мы, поразмыслив, рассудили, что это живое существо, весьма восприимчивое к электрическим бурям. Хотя в некоторых рассказах ему приписывали крылья, мы решили, что его отвращение к открытым пространствам делает более вероятной гипотезу о перемещениях по земле. Единственное, что ей не соответствовало, — стремительность, с которой эта тварь должна была передвигаться, дабы сотворить все, что ей приписывали.

Познакомившись с поселенцами поближе, мы нашли их во многих смыслах весьма симпатичными. Простодушные создания, постепенно деградирующие — вот чем они стали из-за своего злосчастливого происхождения и оупляющей изоляции. Чужаков они боялись, но к нам постепенно привыкли и под конец помогали прорубаться сквозь заросли и обыскивать все закоулки дома в поисках притаившегося ужаса. Когда же мы попросили их помочь найти Беннета и Тоби, они впали в уныние, поскольку при всем желании быть нам полезными они были уверены, что эти жертвы ушли из мира так же бесповоротно, как и их пропавшие земляки. То, что многие из их сородичей были убиты или похищены (при том, что все крупные хищники в округе были давно уже истреблены), мы, конечно же, знали доподлинно и теперь в глубокой тревоге ждали очередных неизбежных трагедий.

К середине октября мы поняли, что почти ничего не достигли. Ночи стояли ясные, поэтому никаких новых таинственных нападений не происходило, и после тщательных и бесполезных поисков в доме и в его окрестностях мы почти уверились, что притаившийся ужас есть нечто нематериальное. Мы опасались, как бы наступление холодов не положило конец поискам, ибо все сходилось на том, что зимою демон, как правило, не объявляется. Поэтому мы отчаянно спешили, последний раз обследуя разоренную деревушку, где теперь никто не жил — скваттеры обходили ее стороной.

Это злосчастное поселение было безымянным и располагалось в укрытом от ветров, хотя и безлесном месте, в расселине между Конической горой и Кленовым холмом, ближе к последнему. Некоторые из неказистых жилищ на деле были землянками, врытыми в его склон. Деревушка находилась в двух милях к северо-западу от Вершины Бурь и в трех — от особняка с его старыми дубами. При этом между деревушкой и особняком лежали две с четвертью мили совершенно открытого пространства, вполне ровного, если не считать нескольких вытянутых змееподобных бугров, и росла там лишь трава да кое-где кустарник. Разобравшись в этой топографии, мы решили наконец, что демон, должно быть, явился со стороны Конической горы, лесистый южный склон которой тянулся почти до западного отрога Вершины Бурь. Полосу вспученной земли мы придирчиво осмотрели вплоть до одинокого дерева на склоне Кленового холма,

расщепленного ударом молнии, — явственный знак дьявольского присутствия.

Когда мы с Артуром Манро, наверное, в двадцатый раз скрупулезно изучали каждый дюйм истребленной деревни, мы оба ощутили неясный, неизвестный нам прежде страх. В высшей степени странно и жутко — даже здесь, где странность и жуть были обычны, — не обнаружить никаких следов на месте, где происходили ошеломляющие события. С печальным усердием, какое обычно сопутствует ощущению беспомощности при необходимости действовать, мы бродили под свинцовым небом, но работали серьезно и дотошно: еще раз вошли в каждый дом, снова искали тела в землянках на склоне холма, проверили каждый фут жесткой земли — нет ли там нор или пещер, и все безрезультатно. И вот, как я уже сказал, новые смутные страхи угрожающе повисли над нами, словно огромные крылатые грифоны, хищно взирающие из космических глубин.

Приближался вечер, становилось все труднее рассмотреть что-либо, рокотала гроза, собиравшаяся над Вершиной Бурь. Понятно, что эти звуки, слышимые в таком месте, угнетали нас — хотя и не так сильно, как это было бы ночью. Мы очень надеялись, что гроза продолжится и после наступления темноты, и с этой надеждой оставили бесцельные поиски на холме и направились к ближайшей деревне, чтобы найти поселенцев для помощи в изысканиях. Они были люди робкие, однако несколько мужчин помоложе, бывало, соглашались помочь, полагаясь на наши руководство и защиту.

Но мы не успели отойти далеко, как с неба вдруг обрушилась слепящая стена дождя, от которого нужно было срочно искать убежище. Из-за необычайной, почти ночной темноты мы постоянно спотыкались, но благодаря частым вспышкам молний и отличному знанию деревушки скоро добрались до наименее дырявой из здешних хижин, кое-как сколоченной из досок и бревен; ее дверь и единственное крошечное окно выходили на Кленовый холм. Закрыв дверь, чтобы защититься от свирепого ветра и дождя, мы поставили на место неказистый ставень — так как мы часто здесь бывали, то знали, где его искать. Угнетающее занятие — сидеть на хлипких ящиках в полной тьме, но мы курили трубки и время от времени светили вокруг карманными фонариками. То и дело сквозь щели в стенах сверкали молнии; было так темно, что каждая вспышка казалась неестественно яркой.

Разгул бури напомнил мне о жуткой ночи на Вершине Бурь, и я содрогнулся. Мои мысли вернулись к тому, что непрерывно тревожило меня после этого кошмара; я снова спросил себя, почему демон, набросившийся на нас то ли со стороны окна, то ли изнутри дома, начал с людей, лежавших с краю, оставив среднего напоследок, пока гигантская молния не прогнала его? Почему он не хватал свои жертвы по порядку, откуда бы он ни появился? В любом случае я должен был быть вторым. Как он орудовал своими всепроникающими щупальцами? Или он знал, что я — главный, и поэтому сохранил меня для участи еще худшей, чем участь моих товарищей?

В разгар этих размышлений, словно для того, чтобы придать им еще больше драматизма, поблизости ударила ужасающей силы молния, затем послышался шум оползня, и сейчас же волчий вой ветра поднялся в дьявольском стонущем крещендо. Мы поняли, что на Кленовом холме сокрушено еще одно дерево, и Манро, встав со своего

ящика, подошел к оконцу, чтобы оценить масштабы разрушений. Едва он снял ставень, как вой ветра и дождя оглушил нас, и я не расслышал его слов. Я сидел и ждал, а Манро высунулся, пытаясь разобраться в этом аду.

Тем временем ветер стал утихать, а необычная тьма рассеивалась — буря уходила. У меня была надежда, что она продлится до ночи, что помогло бы нашему расследованию, однако сквозь дыру в стене проглянул робкий солнечный лучик, значит, рассчитывать на это не приходилось. Сказав Манро, что стоит впустить побольше света, даже если дождь вновь усилится, я открыл грубо сколоченную дверь. Снаружи были сплошные лужи и грязь, лежали свежие груды земли от недавнего оползня, и не видно было ничего интересного, ничего такого, что мой товарищ мог бы рассматривать, высунувшись в окно. Я подошел к нему, тронул за плечо — он не шевельнулся. Тогда я шутливо потряс его, повернул к себе и ощутил ледяную хватку ужаса, уходящего корнями в неимоверно далекое прошлое и непредставимые глубины ночи, властвующей над временем.

Артур Манро был мертв. И то, что оставалось на его изгрызенной, изжеванной голове, не могло больше считаться лицом.

3 Красный отблеск

Ночью восьмого ноября 1921 года, под изнурительным дождем и ветром, с фонарем, отбрасывающим кладбищенские тени, я в одиночку с тупым упрямством раскапывал могилу Яна Мартенса. Работа началась после полудня, поскольку надвигалась гроза, и теперь я радовался темноте и тому, что гроза бушевала над толстой крышей листвы.

Я сознаю, что несколько повредился в уме после событий пятого августа: дьявольская тень в особняке, сильнейшее напряжение и разочарование — и еще то, что произошло в хижине во время октябрьской бури. После случившегося в хижине я выкопал могилу человеку, чья смерть была мне непонятна. Было очевидно, что и другие не смогут ее понять, так что пусть думают, будто Артур Манро уехал. Его искали и не нашли. Скваттеры, возможно, были в состоянии понять, что случилось, но мне не хотелось пугать их еще сильнее. Я же до странности очерствел. Потрясение, испытанное в особняке, сказалось на моем разуме, и я мог думать только о своей цели, о поисках ужаса, выросшего до масштабов стихии в моем воображении, о расследовании, из-за которого Артур Манро погиб и тем самым обрек меня на молчание и одиночество.

Одна только картина производимых мною раскопок могла бы лишить спокойствия мирного обывателя. Зловещие реликтовые деревья пугающей толщины — древние, причудливо изогнутые — высились надо мною подобно колоннам дьявольского друидского замка; они поглощали шум грозы, гасили резкий ветер и почти не пропускали дождя. За их искалеченными стволами вздымались, освещаемые пробившимися сквозь листву слабыми вспышками молний, мокрые, заросшие плющом стены брошенного дома; меня отделял от них запущенный голландский сад, дорожки и клумбы которого были осквернены никогда не видевшей солнца белесой грибовидной порослью, источавшей зловоние. Ближе всего ко мне было кладбище, где кривые деревья простирали свои больные ветви и выворачивали корнями неосвященные плиты,

высасывая отраву из того, что находилось под ними. Там и здесь под коричневым саваном гниющих листьев различались зловещие очертания бугорков и рытвин, характерных для мест, куда часто бьют молнии.

К древней могиле меня привела история. Ничего, кроме истории, у меня не осталось, все остальное было лишь дьявольской насмешкой. Теперь я уверился, что притаившийся ужас не был существом во плоти, но неким призраком с волчьими клыками, оседлавшим полуночные молнии. И я уверился, разобравшись вместе с Артуром Манро в местных легендах, что это был призрак Яна Мартенса, умершего в 1762 году. Поэтому я с дурацким упорством раскапывал его могилу.

Особняк Мартенсов был возведен в 1670 году Герритом Мартенсом, состоятельным купцом из Нового Амстердама, которому не нравились новые порядки под властью Англии и он построил себе великолепный дом здесь, на удаленной лесистой вершине. Ему доставляла удовольствие ее никем не нарушаемая уединенность и необычное местоположение. Единственным заметным недостатком этой местности были неистовые летние грозы. Когда минхер Мартенс выбирал место и возводил особняк, он еще мог полагать, что эти частые природные катаклизмы — случайность, однако со временем убедился, что холм как нарочно приспособлен для таких явлений. Наконец он посчитал, что бури вызывают у него головную боль, и оборудовал погреб, в котором мог скрываться от их самых свирепых налетов.

О наследниках Геррита Мартенса известно меньше, чем о нем, поскольку все они были тверды в ненависти к английской культуре и научились держаться в стороне от колонистов, ее принявших. Они жили на редкость замкнуто, и в округе утверждали, что Мартенсы с трудом говорят и с трудом понимают других людей. Их внешность была отмечена особой наследственной чертой: один глаз у них у всех был голубой, а другой — карий. С соседями они общались все реже и реже, пока не начали наконец вступать в браки со своими слугами. Многие члены этой разросшейся семьи выродились, переселились на другую сторону долины, смешались с тамошними полукровками и со временем превратились в жалких скваттеров. Другие угрюмо влачили жизнь в родовом особняке, становясь все более необщительными и обнаруживая нервическую чувствительность к частым в этих местах грозам.

Большая часть этих сведений стала известна за пределами округа благодаря юному Яну Мартенсу; будучи человеком неумным, он вступил в армию колоний после того, как слух о конгрессе в Олбани достиг Вершины Бурь. Ян был первым из потомков Геррита, повидавшим свет, и, когда в 1760 году он возвратился после шестилетней кампании, отец, дядья и братья встретили его с ненавистью, как чужака, несмотря на его характерные мартенсовские глаза. Теперь он не разделял мартенсовских чудачеств и предрассудков, и даже горные грозы перестали действовать на него, как прежде. Зато его угнетало окружение, и он часто писал своему другу в Олбани, что собирается покинуть родительский кров.

Весной 1763 года этот его друг, Джонатан Гиффорд, обеспокоился молчанием своего корреспондента — тем более что знал об обстановке и ссорах в мартенсовском особняке. Решив лично навестить Яна, он оседлал коня и отправился в горы. В дневнике Джонатана

указано, что он достиг Вершины Бурь двадцатого сентября и обнаружил усадьбу в крайне запущенном состоянии. Мартенсы угрюмо смотрели на него своими странными глазами — их мерзкий, почти звериный облик потряс его. На ломаном гортанном языке они объяснили, что Ян умер. Уверяли, что прошлой осенью его убило молнией и он похоронен в низине за давно уже заброшенным садом. Они показали гостю могилу — холмик земли без каких-либо памятных знаков и надписей. Что-то в поведении Мартенсов вызвало у Гиффорда сильнейшее отвращение и дало ему повод для подозрений. Неделю спустя он вернулся с лопатой и киркой, чтобы тайно исследовать захоронение, и обнаружил то, что и ожидал найти: череп, разбитый беспощадными, свирепыми ударами, так что, вернувшись в Олбани, он открыто обвинил Мартенсов в убийстве их родича.

Хотя сказать это со всей определенностью было нельзя, слухи стремительно распространились по всей округе, и с той поры Мартенсы сделались изгоями. Никто не желал иметь с ними дела, и все сторонились их имения как места проклятого. Они же, видимо, приспособились жить независимо, на том, что производили сами, — ибо временами с отдаленных холмов были видны огни, указывавшие на присутствие в имении людей. Огни появлялись — хотя и все реже — вплоть до 1810 года.

Между тем возник целый свод страшных легенд об особняке и о горе. Этих мест стали избегать с еще большим тщанием, а к прежним легендам прибавлялись все новые. Дом не посещали вплоть до 1816 года, когда скваттеры наконец обратили внимание на длительное отсутствие огней. После этого несколько человек пошли на разведку; дом оказался необитаемым и частично разрушенным.

Там не нашли человеческих скелетов, поэтому причиной исчезновения Мартенсов сочли отъезд, а не смерть. Казалось, семейство отбыло за несколько лет до того, а по более поздним пристройкам можно было судить, насколько многочисленным оно стало ко времени своего переселения. В культурном отношении Мартенсы совершенно опустились: на это указывала разломанная мебель и валявшееся кругом столовое серебро, которым, должно быть, перестали пользоваться задолго до отъезда. Однако, хотя зловещие Мартенсы и ушли, ужас перед их домом сохранился и стал еще пронзительней, когда новые странные истории стали растекаться среди обитателей гор. Так и стоял этот дом — брошенный, внушающий страх и навещаемый мстительным призраком Яна Мартенса. Так он и стоял в ночь, когда я раскапывал могилу.

Я уже назвал свое занятие дурацким, таким оно и было — и по тому, что я искал, и по тому, как я это делал. В выкопанном гробу обнаружилось только немного праха, но я в неистовом стремлении извлечь призрак Мартенса продолжал бессмысленно и неуклюже рыть. Одному Богу ведомо, чего я ожидал, — а ощущал я лишь то, что все глубже копаю могилу человека, призрак которого бродит по ночам.

Трудно сказать, на какой чудовищной глубине лопата, а за ней и мои ноги провалились в землю. Происшествие чрезвычайное и пугающее, поскольку существование подземелья давало моим безумным теориям ужасное подтверждение. Скатываясь вниз, я повредил фонарь и теперь достал карманный электрический фонарик. В обе стороны уходил узкий коридор, достаточно просторный, чтобы по нему можно было ползти; и хотя никто в здравом рассудке не решился бы на это, я, обуреваемый лихорадочным

стремлением отыскать притаившийся ужас, забыл об опасности, о разумной осторожности и брезгливости. Решив, что буду двигаться в направлении дома, я отчаянно пополз туда по узкому проходу, стремительно и почти вслепую, лишь изредка включая фонарик.

Кто сумел бы описать подобное зрелище: человек, затерянный под невероятной толщей земли, он скребется, извивается, едва дышит, изо всех сил продвигается на четвереньках сквозь толщу древней тьмы, не думая о времени, безопасности, направлении и цели... Ужасно, но именно этим я и занимался. Занимался так долго, что жизнь поблекла, как старые воспоминания, остались лишь темнота и я, словно превратившийся в крота или гусеницу. Лишь долгое время спустя я снова вспомнил об электрическом фонаре и осветил проход в пласте глины, который шел прямо, а затем плавно поворачивал.

Какое-то время еще я пробирался по нему на четвереньках, свет фонарика стал совсем тусклым, затем проход круто пошел вверх, так что пришлось двигаться медленней. Я поднял глаза и внезапно увидел вдалеке два жутких отражения моего гаснущего фонаря — два отражения, излучавшие погибель и пробуждавшие туманные воспоминания, способные свести с ума. Непроизвольно я остановился — хотя отступить не догадался. Глаза приближались, кроме них у этой твари различима была только когтистая лапа. Но какая это была лапа! Где-то над головой послышался знакомый грохот — неистовый гром разыгравшейся в горах яростной грозы. Должно быть, я довольно далеко прополз вверх и оказался вблизи поверхности. И пока громыхал этот приглушенный гром, глаза смотрели на меня с бессмысленной злобой.

Благодарение Богу, я тогда не стал выяснять, что это такое, иначе мне пришлось бы расстаться с жизнью. Спасла меня та самая гроза, которая вызвала эту тварь из небытия: после минуты страшного ожидания с невидимых небес ударила одна из тех частых в горах молний, следы которых — борозды взрытой или горелой земли — я замечал во многих местах. Неистойой силы молния пробила своды проклятой норы, ослепив и оглушив меня, но не обездвизив полностью.

Беспомощно барахтаясь, я выкарабкивался из-под осыпающейся земли, пока наконец потоки дождя не привели меня в чувство. Я понял, что выбрался на поверхность в знакомом месте, на крутом безлесном склоне с юго-западной стороны горы. Непрерывные вспышки молний освещали изрытую почву и остаток странной низкой насыпи, тянущейся вниз с лесистого склона, но в этом хаосе я не нашел даже следа того места, где выбрался из смертоносных катакомб. В моей голове царил такой же хаос, как на земле, и, глядя на мерцавший вдалеке, с южной стороны, красный отблеск, я вряд ли признавал весь ужас того, через что мне пришлось пройти.

Но два дня спустя, узнав от скваттеров, что означал красный отблеск, я ощутил еще большее потрясение, чем в глиняном лазе, видя страшные глаза и лапу. Еще большее — из-за ошеломляющего предположения. Вслед за ударом молнии, благодаря которой я очутился на поверхности, в деревушке, что была в двадцати милях оттуда, разыгралась очередная трагедия: неизвестная тварь прыгнула на хлипкую крышу одной из хижин с нависшего над ней дерева. Она получила свою жертву, но скваттеры в неистовстве успели поджечь хижину прежде, чем тварь ускользнула, и она обрушилась в тот самый миг, когда земля поглотила тварь, глаза и лапу которой я видел.

Ужас в глазах

Вряд ли можно считать человека душевно здоровым, если он, зная все, что знал я об опасностях Вершины Бурь, собрался в одиночку отыскивать притаившийся там ужас. Хотя два воплощения ужаса были уничтожены, это давало весьма слабую гарантию душевной и физической безопасности в здешнем подземном царстве многоликой дьявольщины; я исступленно стремился к цели, между тем как события, а с ними и мои выводы становились все более чудовищными.

Узнав спустя два дня после жуткой встречи в подземном лазе, что в тот самый миг, когда глаза твари сверкнули передо мною, еще одна ей подобная объявилась в двадцати милях от того места, я испугался чуть не до смерти. Однако к страху примешивалось столь сильное изумление и ощущение причудливости происходящего, что ощущение казалось почти приятным. Порой в кульминации ночного кошмара, когда невидимые силы влекут тебя над крышами странных мертвых городов к ухмыляющейся пропасти Никты, с каким облегчением и даже удовольствием можно завопить во весь голос, кидаясь в бездонную всепоглощающую пучину ночных образов. Примерно так же подействовали на меня новые происшествия на Вершине Бурь. Обнаружив, что здесь обитали два чудовища, я ощутил бешеное стремление перерыть всю землю в проклятом месте и голыми руками вытащить наружу свирепую смерть, таившуюся в каждом дюйме отравленной земли.

При первой возможности я пришел на могилу Яна Мартенса и стал копать на прежнем месте, но напрасно. Сильнейший обвал засыпал все следы подземного прохода, да и от ямы почти ничего не осталось и нельзя было понять, насколько глубоко я пробился в прошлый раз. Затем я совершил нелегкое путешествие в отдаленную деревушку, где сожгли смертоносную тварь, но был мало чем вознагражден за труды. Среди пепла роковой хижины нашлось несколько костей, по всей видимости, не принадлежавших чудовищу. По словам скваттеров, жертва была только одна, но я счел, что они ошиблись, поскольку кроме целого человеческого черепа там нашелся обломок другого, разбитого, по-видимому, тогда же. Многие видели стремительный прыжок чудовища, но никто не мог сказать доподлинно, на что оно походило; скваттеры именовали его просто дьяволом. Я обследовал огромное дерево, на котором эта тварь пряталась, и не отыскал никаких определенных мет. Попытался также найти след, ведущий в чернолесье, но в этот раз не смог выдержать вида чудовищно огромных стволов и толстых змееподобных корней, зловеще вьющихся по поверхности, прежде чем нырнуть под землю.

Затем мне предстояло тщательнейшим образом еще раз исследовать заброшенную деревушку, где смерть нанесла самый страшный удар, где Артур Манро видел нечто, о чем не успел рассказать. Я и в прошлый раз вел поиски предельно внимательно, хотя и безрезультатно; теперь же у меня появились новые основания для их проверки: страшный путь ползком под землю убедил меня, что по крайней мере одна разновидность ужаса была подземной тварью. В этот раз, четырнадцатого ноября, моей главной задачей было изучить склоны Конической горы и Кленового холма, обращенные к злосчастной деревушке, причем особое внимание я обращал на рыхлую землю оползней на Кленовом холме.

Полдня поисков ничего не прояснили, и в сумерках я стоял на этом холме, глядя вниз на деревушку и — через долину — на Вершину Бурь. Догорел великолепный закат; взошла почти полная луна; она заливала серебристым светом равнину, отдаленный склон горы и странные низкие холмики, вздымающиеся там и сям. Картина идиллическая, но я знал, что под нею скрыто, и потому ненавидел все это. Ненавидел обманщицу-луну, лживомирную долину, набухшую, как нарыв, гору и эти зловещие холмики. Казалось, на всем лежит печать какой-то вредоносной силы, чьей-то тайной и страшной власти.

Рассеянно оглядывая залитую лунным светом панораму, я вдруг отметил своеобразие ландшафта, некую повторяющуюся топографическую деталь. Не обладая специальными познаниями в геологии, я с самого начала заинтересовался холмиками и насыпями, характерными для этой местности. Отметил, что они во множестве разбросаны вокруг Вершины Бурь, что их меньше в долинах, чем у вершины, где доисторические ледники, несомненно, встречали меньшее сопротивление своим причудливым подвижкам. И сейчас, при свете низкой луны, меня вдруг осенило: отдельные точки и ряды этой системы холмиков, отбрасывающих таинственные тени, были явно и странно связаны с верхней точкой Вершины Бурь. Она была несомненным центром, от которого расходились их неровные линии, словно дряхлый особняк Мартенсов выпустил зримые щупальца ужаса. Мысль об этих вредоносных щупальцах отозвалась во мне необъяснимой дрожью, и я впервые усомнился в ледниковом происхождении этих холмиков.

Чем больше я раздумывал, тем больше сомневался в этом, и с моих глаз словно спала пелена. Я почувствовал: между тем, что я видел в подземелье, и тем, что происходило на поверхности, существует причудливая пугающая связь. Еще не до конца поняв, в чем дело, я стал лихорадочно бормотать: «О господи!.. Кротовины... проклятое место все изрыто... как их много... той ночью в доме... они сначала утащили Беннета и Тоби... по обеим сторонам...» И принялся раскапывать ближайший холмик, копать отчаянно, неистово, даже ликующе, и наконец громко вскрикнул от некоего невнятного чувства, дорывшись до туннеля или лаза, точно такого, по какому я полз тою дьявольской ночью.

Помню, что затем я бросился бежать с лопатой в руке; это был бешеный бег по залитым луной, покрытым холмиками лугам, сквозь мрак зловещего призрачного леса на крутом склоне холма; вскрикивая, задыхаясь, я мчался прыжками к страшному особняку Мартенсов. Помню, как наудачу раскапывал заросший шиповником погреб — копал, чтобы найти самую сердцевину губительной сети. И помню, как хохотал, провалившись в подземный проход, в отверстие у основания старого камина, поросшего бурьяном; трава отбрасывала тревожные тени в свете свечи, которая случайно оказалась у меня с собой. Сколько еще тварей притаилось в этом адском улье, ожидая грозы, чтобы выйти наружу, я не знал. Две были убиты — возможно, больше их не существовало. Но я горел решимостью добраться до последней тайны ужаса, который снова казался мне конкретным и телесным.

Мои нерешительные раздумья о том, стоит ли исследовать проход немедленно и в одиночку, с этим жалким источником света, или попытаться собрать команду скваттеров, были прерваны внезапным порывом ветра, погасившим свечу и оставившим меня в непроглядной тьме. Луна больше не светила сквозь отверстия и проемы в стенах; с

чувством обреченности я услышал зловеший многозначительный рокот надвигающейся грозы. Мысль о том, что может произойти, заставила меня отступить в дальний угол погребца. Но я не сводил глаз с пугающего отверстия у основания камина. Отдаленные вспышки молний проникали сквозь заросли, окружавшие погреб, и освещали развалившиеся стены, выхватывая из темноты битые кирпичи и полузасохший бурьян. Меня снедали страх и любопытство. Что вызовет к жизни эта буря — и есть ли там, в глубине, то, что может быть вызвано? При свете молнии я выбрал себе укрытие, густой бурьян, сквозь который мог видеть отверстие, оставаясь сам невидимым.

Если небеса проявят милосердие, я когда-нибудь смогу забыть увиденное и мирно доживу положенные мне годы. Сейчас же я не сплю ночами, а при грозах вынужден принимать опий. Это началось внезапно, без предупреждения: из неведомой норы, подобно крысе, метнулась одна тварь, раздалось дьявольское пыхтение и приглушенное хрюканье, и потом из отверстия под камином хлынули потоком омерзительные, словно изъеденные проказой, уродливые твари, страшнее самой смерти и самого безумия. Вскипая, булькая, пузырясь подобно змеиному яду, этот поток изливался из зияющего отверстия, растекался, как гной, и устремлялся из погребца, чтобы распространиться по проклятому полуночному лесу, неся с собой ужас, безумие и смерть.

Бог знает, сколько их было — должно быть, сотни. Вид этого потока при мерцающем свете молний потрясал душу. Когда он поредел и стали мелькать отдельные твари, я увидел, что они похожи на гномов — уродливые волосатые не то черти, не то обезьяны, чудовищная дьявольская карикатура на обезьянье племя. Они были отвратительно безмолвны, лишь однажды послышался визг, когда один из отставших принялся умело и привычно свежевать ослабевшего соседа. Другие тоже набросились на останки и, истекая слюной, пожирали их. После этого, как ни странно, болезненное мое любопытство взяло верх над оцепенением, страхом и отвращением: когда последний уродец выбрался из подземелий неведомых кошмаров, я достал автоматический пистолет и в момент громого удара застрелил его.

Вереница вопящих ускользящих теней багрового безумия — они охотились друг на друга под кроваво-красными полосами грозового неба... бесформенные фантомы и мгновенная смена отвратительных сцен... чудовищно разбухшие дубы, змееподобные корни которых, извиваясь, сосали неведомые яды из земли, отравленной мириадами дьяволов-каннибалов... холмики-щупальца чудовищного подземного осьминога... жуткие сполохи молний над мрачными стенами, поросшими плющом... ужасные аллеи с бесцветной грибовидной порослью... Благодарение небу, инстинкт привел меня к людскому поселению, к мирной деревне, спавшей под спокойными звездами на прояснившемся небе.

Неделю я приходил в себя, затем послал в Олбани за командой взрывников, чтобы динамитом стереть с лица земли особняк Мартенсов на Вершине Бурь, уничтожить все холмики, подземные ходы и насосавшиеся ядов деревья, само существование которых казалось мне символом несчастья. Когда все это было сделано, я понемногу начал спать, но истинный отдых невозможен, пока жива память о тайне притаившегося ужаса. Она будет преследовать меня, ибо кто может поручиться, что уничтожение было полным, что подобных явлений более не существует в природе? Кто, обладая моими знаниями,

может думать о неведомых подземных пустотах, не мучаясь страшными видениями грядущих бед? До сих пор мне трудно смотреть на колодец или вход в подземку... почему врачи не могут дать мне достаточно сильных лекарств, чтобы я спал по ночам, чтобы успокоить меня, когда налетает гроза?

То, что я увидел при вспышке молнии после того, как застрелил тварь, отставшую от потока, оказалось таким простым, что прошла минута, прежде чем я понял все это — и впал в исступление. Существо было тошнотворно: грязно-белое подобие гориллы с острыми желтыми клыками и взъерошенной шерстью — результат вырождения, устрашающий продукт кровосмешения и пожирания себе подобных на земле и под землей; воплощение рычащего хаоса и ухмыляющегося ужаса, что таится по ту сторону жизни. Умирая, оно глядело на меня странными глазами, такими же, как те, что уставились на меня в подземелье, пробуждая туманные воспоминания. Один глаз был голубой, другой — карий: глаза Мартенсов, описанные в старых легендах. И, застыв от ужаса, я понял, что случилось с исчезнувшей семьей и страшным, притягивающим молнии домом Мартенсов.

Перевод: Валентина Кулагина-Ярцева

2000 год